

А. А. Козлов

**Свое слово. Философско-
литературный сборник**

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А. А. Козлов
А11 Свое слово. Философско-литературный сборник: Часть 5 / А. А. Козлов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 170 с.

ISBN 978-5-458-24946-1

Сборник, который философ-спиритуалист А.А. Козлов - один из первых представителей персонализма в России, начал выпускать вместо выходившего ранее журнала «Философский трехмесячник». Как и предшествующее издание, «Свое слово» состоит исключительно из статей самого автора. В этих публикациях он в итоговой форме формулирует свои философские воззрения, в которых развивает концепцию панпсихизма.

ISBN 978-5-458-24946-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕСѢДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ разговоръ съ Синайскимъ, Красоткинымъ и Постѣловымъ Сократъ объясняетъ, что понятіе движенія можетъ быть разсма-
триваемо съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) метафизической, идѣ оно
состоитъ изъ актовъ нашего общенія и взаимодействія со всеми
другими субстанціями міра въ ихъ метафизической связи другъ съ
другомъ; 2) психологической, идѣ оно состоитъ въ смѣнѣ сознавае-
мыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ дру-
гими психическими состояніями и, наконецъ, 3) физической, идѣ
оно состоитъ въ перемѣнѣ положенія и мѣста въ пространствѣ.
Первое понятіе движенія есть источникъ второго, а второе источ-
никъ третьяго. Терминомъ-же: движеніе, выражается собственно
3-я точка зрѣнія, а въ первыхъ двухъ его употребленіе метафори-
ческое. Причина того, что метафизическая наша связь и общеніе
съ другими субстанціями не отражается прямо въ нашемъ созна-
ніи, заключается въ нашей ограниченности, которая обнаружи-
вается въ узости и недостаточной интенсивности человеческого
сознанія. При этомъ Сократъ объясняетъ понятіе технической
или исторической системы, которая можетъ служить подобіемъ
нашей метафизической связи съ другими субстанціями міра. Да-
лье разговоръ переходитъ собственно къ физическому движенію и
къ заключающемуся въ этомъ понятіи, противорѣчію, которое
было вскрыто еще въ древности элейскимъ философомъ Зенономъ.
Доказывая, что аргументы Зенона противъ понятія физическаго
движенія основательны, Сократъ думаетъ, что противорѣчіе,
вскрытое имъ, можетъ быть устранено указаніемъ на источникъ,
изъ котораго оно происходитъ.

Утромъ въ субботу тотчасъ послѣ чая я вмѣстѣ съ Сократомъ и другими гостями Карамазовыхъ поѣхали въ Петербургъ. Когда мы, взявши билеты, уѣхали въ одинъ вагонъ и поѣздъ тронулся, то Синайскій обратился къ Сократу съ вопросомъ:

„Я не могу хорошенько понять вашего мнѣнія о нашей ощущающей и двигательной дѣятельности. Иногда мнѣ кажется, что у васъ это только два слова для одного и того же, а иногда вы, повидимому, ихъ различаете. Мнѣ уже давно хочется попросить у васъ объясненія на счетъ этого пунета“.

Сократъ. Вашъ вопросъ въ сущности касается понятія движенія, въ которомъ совпадаютъ *три* точки зрѣнія на одно и то же, а именно: *метафизическая, психологическая и физическая*. Самая важная точка зрѣнія, конечно, метафизическая, потому что ею объясняются двѣ другія, составляющія какъ бы ея отраженіе. Съ метафизической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ акты общенія и взаимодействія субстанцій въ ихъ обще-міровой связи. Съ психологической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ соотвѣтствующая этому метафизическому взаимодействию *смысла* въ нашемъ сознаніи ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ, а также и съ сопровождающими ихъ чувствами и мыслями. Съ физической точки зрѣнія, движеніе есть не что иное, какъ *феноменъ* перемѣны мѣста матеріальными вещами въ пространствѣ. Что же касается до общаго термина: движеніе, то онъ взятъ собственно изъ области физической, но уже издавна прилагается иносказательно и въ области психологической, какъ, напр., въ выраженіяхъ: потокъ, теченіе мыслей, движеніе чувствъ и т. под. Конечно, можно и теперь безъ всякаго сомнѣнія употреблять этотъ терминъ въ метафизическомъ и психологическомъ смыслѣ, но, однако, не забывая, что это употребленіе есть не болѣе, какъ *метафора*.

„Метафизическое движеніе или взаимодействие въ обще-міровой связи не дано въ нашемъ первоначальномъ сознаніи такъ непосредственно, какъ даны мы сами себѣ и акты нашей дѣятельности, а

потому, мы можем дѣлать о немъ выводы и заключенія на основаніи только болѣе или менѣе правильнаго истолкованія переменъ въ состояніяхъ нашего сознанія вообще. Эти заключенія тѣмъ болѣе могутъ подвергаться ошибкамъ, что, по нашему несовершенству, *сила* или *энергія актовъ* нашего сознанія весьма *ограниченна* и *сфера* каждаго отдѣльнаго акта чрезвычайно *узка*, такъ что большая часть нашихъ движеній или нашего метафизическаго общенія съ другими существами остаются безсознательными; значитъ, должны быть дополняемы или угадываемы путемъ болѣе или менѣе правильныхъ гипотезъ и заключеній изъ нашего опыта, т. е. фактовъ какъ первоначальнаго, такъ и сложнаго сознанія. Такъ, напр., даже общеніе наше съ тѣми тѣсно связанными съ нами субстанціями, значкомъ которыхъ служить наше тѣло, протекаетъ для насъ большею частью безсознательно, какъ бы, напр., всѣ наши растительныя функціи или какъ бы, напр., дѣятельность нашей души въ постройкѣ нашего тѣла. Въ знаніи объ этомъ предметѣ мы должны ограничиться только весьма неполными и шаткими теоріями...

Красоткинъ (съ досадою). Ну, ужъ извините меня! Просто невыносимо слушать эту философскую ерунду! Да кто-же вамъ сказалъ, что ваша фантастическая душа строитъ тѣло.

Сократъ. Такъ какъ вы не признаете души, то, конечно, для васъ всего естественнѣе, что атомы или молекулы вещества въ своихъ вихреобразныхъ *кадриляхъ* и *вальсахъ* случайно образуютъ тѣло. Но для меня, который признаетъ *дѣйствительность души*, немислимо, чтобы она не принимала никакого участія въ координаціи, поддержкѣ, усовершенствованіи функцій тѣхъ существъ, которыя съ нею тѣсно связаны и служатъ ей въ качествѣ орудій для ея взаимодѣйствія съ болѣе отдаленными по отношенію къ ней существами въ мірѣ. Для меня немислимо, что-бы душа спала мертвымъ сномъ тогда, какъ образуется и группируется ея тѣло. По крайней мѣрѣ, наши ежедневныя, ежеминутныя сознательныя заботы о нашемъ тѣлѣ, о *правильности* его функцій (пища, жилище, лекарство и т. п.) и *соотвѣтствіи* ихъ съ нашею

жизнью ведутъ меня къ умозаключенію, что душа каждаго изъ насъ дѣйствовала точно также и тогда, когда эти ея дѣйствія имѣли столь сравнительно *низшую интенсивность*, что не были сознаваемы, а потому и не вспоминаются, хотя и не исчезли въ ничто и всегда сохраняютъ за собою право стать объектомъ нашей мыслящей функціи и быть сознаваемыми, вспоминаемыми и понимаемыми въ формѣ болѣе или менѣе ясныхъ понятій.

Когда Сократъ произнесъ эти слова, то Калгановъ, слушавшій разговоръ стоя, такъ какъ на двухъ скамеечкахъ сидѣли Сократъ съ Синайскимъ и я съ Красоткинымъ, вдругъ наклонился къ послѣднему и сказалъ: „Будетъ Вамъ, Николай Ивановичъ, слушать эти басни! пойдете-ка въ тотъ конецъ вагона, я вамъ тамъ кое-что покажу“; и, подхвативъ Красоткина подъ руку, Калгановъ подошелъ съ нимъ къ какому-то пассажиру, котораго я, по близорукости, не могъ разсмотрѣть, а Сократъ съ Синайскимъ и совѣмъ не могли видѣть, потому что сидѣли къ нему задомъ. Тогда Синайскій просилъ Сократа, не дожидаясь Калганова и Красоткина, продолжать начатую рѣчь, такъ какъ ему, Синайскому, чрезвычайно интересно слышать объ отраженіи въ нашемъ сознаніи метафизическихъ отношеній между нами и другими субстанціями.

Сократъ. Такъ какъ, при узости нашего сознанія, въ каждомъ его актѣ отражается только ничтожный отрывокъ нашей связи со всѣми субстанціями міра, то мы въ теченіе всей нашей жизни послѣдовательно переходимъ отъ одного звена *всей цепи этой мировой связи* къ другому. Отсюда происходитъ, что въ каждомъ пунктѣ этого перехода и движенія измѣняются *перспектива и явленія* нашего сознанія, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли это, бесѣдуя о времени, все дѣйствительное бытіе и дѣйствительный мировой процессъ со всѣми его отношеніями причинъ, слѣдствій, цѣли и средствъ уже готовъ безвременно. Поэтому каждый клочекъ мирового цѣлаго, освѣщающійся тѣмъ или другимъ актомъ нашего сознанія, необходимо мыслится въ видѣ того идейнаго временнаго пункта, который называется словомъ:

„теперь“. Два-же другіе и тоже идейные, соотносительные съ нимъ, пункты называются словами: „прежде“ и „послѣ“. Въ этихъ двухъ пунктахъ мыслится вся остальная міровая дѣйствительность, не освѣщаемая наличнымъ сознаниемъ. Въ пунктѣ: „прежде“, помѣщается все то, что соотвѣтствуетъ понятію воспоминанія и что дано въ менѣе яркомъ сознаниіи того-же содержанія, которое гораздо живѣе сознается въ пунктѣ „теперь“. Въ пунктѣ „послѣ“ или „потомъ“ помѣщается все то, что соотвѣтствуетъ понятію ожиданія и что сознается въ болѣе или менѣе яркомъ образѣ фантазіи или воображенія того-же самаго, что первоначально также сознается въ пунктѣ: „теперь“, а потомъ, говоря фигурально, погружается въ пунктъ: „прежде“. Значить, наши „теперь, прежде и послѣ“ съ различными мыслимыми въ нихъ содержаніями соотвѣтствуютъ разнымъ особымъ звеньямъ уже безвременно готовой цѣпи, или *точнѣе сѣти*, координированныхъ между собою въ міровомъ цѣломъ субстанцій съ ихъ актами. Отсюда мы имѣемъ право на заключеніе, что отражающееся въ сознаниіи наше метафизическое движеніе отъ одного единичнаго элемента этой сѣти къ другому можно понимать по аналогіи съ нашими техническими или историческими системами, гдѣ всегда къ одному отдѣльному явленію или событію временно примыкаетъ другое то же единичное явленіе или событіе, третье, четвертое и т. д.

Синайсній. Поясните, пожалуйста, примѣромъ, что вы разумѣете подъ *техническими* или *историческими* системами и подъ аналогіей между ними и метафизическимъ движеніемъ отъ одного элемента міровой связи къ другому и отраженія этого движенія въ сознаниіи.

Сократъ. Прежде всего примѣромъ исторической системы можетъ служить всякій историческій рассказъ, а также драма, романъ и проч. Сюда же принадлежатъ и разнаго рода техническіе учрежденія и процессы, напр., фабрика, канцелярія, музыкальный концертъ и проч. и проч. Здѣсь вездѣ всякій составной элементъ системы индивидуаленъ и входитъ въ частное свое, а затѣмъ и въ міровое цѣлое на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, обусловленномъ единствомъ этого цѣлага. При

этомъ должно не забывать, что каждое существо, слѣдовательно, и всѣ мы входимъ въ это цѣлое не только какъ зрители, но, главное, какъ дѣатели, такъ что, подобно пѣвцамъ въ концертѣ или музыкантамъ въ оркестрѣ, каждый поетъ свою партію и разыгрываетъ свои ноты. Повидимому и для поверхностнаго взгляда профановъ, каждый дѣлаетъ это независимо отъ другихъ и произвольно: но, какъ знаемъ это мы, посвященные въ порядокъ дѣла, каждый и начинается, и кончается, и присоединяется къ тѣмъ или другимъ голосамъ или инструментамъ, а также и умолкаетъ или дѣлаетъ паузы; — все это каждый дѣлаетъ вовсе не *ad libitum* и случайно, а строго систематически, сообразно духу и содержанию цѣлой симфоніи или піесы, уже давно созданной и оконченной ея композиторомъ. Точно также и для каждого участника въ міровомъ концертѣ его мѣсто и роль опредѣлены сообразно съ вѣчно готовымъ міровымъ цѣлымъ; но въ измѣнчивой перспективѣ его узенькаго индивидуальнаго сознанія, этому каждому участнику, не посвященному въ систему и гармонію цѣлаго, *кажется*, что онъ какъ будто бы совершенно случайно и даже произвольно дѣлаетъ свои дѣла въ мірѣ. Но болѣе осмысленное отношеніе къ пережитому опыту и безчисленнымъ иллюзіи и ошибки, случающіяся съ нами въ жизни, могутъ убѣдить каждаго мыслящаго человѣка, что въ силу причинной—или, что все равно, телеологической—связи между всѣми звеньями міровой сѣти въ теченіи міра царствуетъ неопоримая *необходимость* и что, слѣдовательно, все то, что уже протекло въ прошедшемъ, не можетъ быть мыслимо не совершившимся и что порядокъ всѣхъ событій и явленій въ прошедшемъ долженъ быть понимаемъ *непреложнымъ* и *роковымъ*. Отсюда мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ допустить перемѣщенія событій во временномъ порядкѣ, хотя онъ и имѣетъ свое основаніе и силу только въ насъ и для насъ. Нельзя, напр., произвольно поставить на мѣсто Юлія Цезаря и римской имперіи Наполеона I и французскую имперію. „Но еще гораздо болѣе считаемъ мы не упорядоченнымъ и вполнѣ подлежащимъ случаю и нашему произволу будущее, хотя горькій опытъ

заставляет насъ усомниться въ этой кажущейся его безпорядочности и случайности и придти къ болѣе или менѣе ясному убѣжденію, что и будущее столь-же непреложно упорядочено, какъ и прошедшее. Особенно-же это убѣжденіе вызывается тѣми многочисленными случаями, когда мы торжественно подносимъ къ своимъ устамъ заранѣе съ большими усилями и жертвами подготовленную чашу счастія и радости и когда въ тотъ-же моментъ какой-то таинственный рокъ безжалостно вышибаетъ ее изъ рукъ и проливаетъ. Въ этомъ безвременно упорядоченномъ міровомъ теченіи, которое ни подъ какимъ видомъ нельзя *символизировать* безконечною прямою линією, а окружностью, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, а всего вѣрнѣе, пожалуй, шаромъ, уже также безвременно существуютъ всѣ пункты нашего метафизическаго движенія въ координаціи со всѣми пунктами такого-же движенія другихъ существъ и освѣщаются отдѣльными актами нашего сознанія во всѣхъ его функціяхъ. Но, къ сожалѣнію, эти метафизическія звенья нашей міровой связи отражаются въ сознаніи весьма неполно и отрывочно, а потому метафизическое истолкованіе явленій нашего сознанія не легко, такъ какъ въ него входятъ сложные выводы изъ трудно провѣряемыхъ предположеній. Поэтому весьма было-бы удобно воспользоваться понятіями Аристотеля для выраженія отношеній между двумя областями, въ которыхъ терминъ движенія употребляется въ переносномъ смыслѣ и сказать, что метафизическое движеніе есть „первое по природѣ“, а психологическое есть „первое для насъ“. По этому „первому для насъ“, данному непосредственно въ сознаніи, мы должны построить путемъ спекулятивнаго мышленія „первое по природѣ“, не данное непосредственно въ сознаніи. Теперь-же я могу перейти...

На этихъ словахъ рѣчь Сократа прервали Калгановъ и Красоткинъ уже нѣсколько минутъ подслушивавшіе ее. Они вмѣстѣ съ Поспѣловымъ, оказавшимся пассажиромъ, сидѣвшимъ въ другомъ концѣ вагона, тихо-хонько подошли къ намъ, дѣлая мнѣ руками знаки, чтобы я ничего не говорилъ Сократу, занятому разговоромъ, объ ихъ присутствіи.

„Извините Сократъ Ивановичъ“, сказалъ, обращаясь къ нему, Калгановъ, „что я нарушаю вашу бесѣду, желая ввести въ нее новаго собесѣдника, уже знакомаго вамъ профессора, Пospѣлова“.

Пospѣловъ, поздоровавшись съ нами, съ своей стороны, также извинился въ нарушеніи бесѣды и просилъ Сократа продолжать свою рѣчь съ того пункта, на которомъ его прервали. Затѣмъ Красоткинъ сѣлъ на свое старое мѣсто рядомъ со мною, а Калгановъ съ Пospѣловымъ сѣли на пустыхъ концахъ двухъ скамеечекъ противоположной стороны.

Сократъ (нѣсколько смутившись и обращаясь къ Пospѣлову). Собственно говоря, я хотѣлъ повести рѣчь о новомъ пунктѣ въ томъ вопросѣ, о которомъ мы разсуждали съ Петромъ Семеновичемъ, а потому вы, въ сущности, не прервали нити нашего разговора (Обращаясь къ Синайскому). Позвольте, кстати, мнѣ воспользоваться весьма удобнымъ случаемъ для иллюстраціи одного пункта нашего теперешняго разговора. Вотъ, сейчасъ произошло метафизическое движеніе, состоящее въ нашемъ переходѣ отъ одного звена въ общеміровой связи и взаимодействіи нашихъ субстанцій съ субстанціями трехъ нашихъ почтенныхъ знакомыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соответствующая этому метафизическому переходу психологическая перемѣна въ нашемъ сознаніи, т. е. появленіе въ немъ зрительныхъ и осязательныхъ образовъ ихъ тѣлъ, а также и нашихъ умозаключеній объ ихъ мысляхъ и чувствахъ, сдѣланныхъ на основаніи звуковъ и словъ, отнесенныхъ нами къ нимъ, какъ причинамъ, производившимъ эти слова и звуки и тому подобное.

Калгановъ. Ну, господа, видите-ли, какъ у него *умъ за разумъ* зашелъ. Да какая-же тутъ метафизика, когда вы собственными глазами видите, что, вотъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, къ вамъ подошли три человѣка, которыхъ вы можете, если хотите, не только видѣть, но даже ощущать. И какое еще нашли вы звено общеміровой связи въ томъ, что знакомые люди повстрѣчались въ вагонѣ. А когда въ Петербургѣ всѣ разъѣдемся по домамъ, то и звено распадается! Хо-

роша-же міровая связь изъ такихъ звеньевъ! (Къ Поспѣлову). Что вы скажете на это, профессоръ!

Поспѣловъ (Калганову). Полагаю, что и безъ моего посредничества вы сами можете объясниться съ Сократомъ Ивановичемъ, а я, можетъ быть, обращусь къ нему съ своимъ собственнымъ вопросомъ.

Сократъ (Калганову). Да, вѣдь, я ужъ вамъ тысячу разъ говорилъ, что дѣйствительныхъ субстанцій нельзя ни видѣть, ни осязывать, ни обнюхивать. (Махнувъ рукой и обратившись къ Поспѣлову). Впрочемъ, онъ спрашиваетъ, такъ сказать, только для зубоскальства и разсыпцата или нѣтъ звенья міровой связи и существуетъ-ли она—это его нисколько не интересуетъ. А, вотъ, мнѣ интересно было-бы узнать, съ чѣмъ вы сами желали-бы обратиться ко мнѣ.

Поспѣловъ. Да, если позволите, я сдѣлаю одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что вмѣсто метафизическихъ предположеній объ источникѣ движенія нужно было-бы обратиться съ вопросомъ объ его сущности къ точнымъ наукамъ, гдѣ съ полною ясностью и обстоятельностью дано и опредѣленіе этого явленія, и изслѣдованы законы всѣхъ формъ его, напр., къ механикѣ и къ физикѣ. Метафизическія-же гипотезы могутъ оказаться карточными домиками, а законы движенія, изслѣдуемые точными науками, *непреложны*, ибо они подтверждаются такими несомнѣнными и поразительными фактами, каковы, напр., предвидѣнія астрономами тѣхъ мѣстъ, которыя будутъ занимать небесныя свѣтила спустя десятки и сотни лѣтъ. Вотъ эти-то науки и даютъ намъ точное опредѣленіе движенія, по которому оно есть не что иное, какъ перемѣна мѣстъ тѣлами въ пространствѣ съ тою или другою скоростью, а тѣла даны намъ въ нашемъ чувственномъ опытѣ. Конечно, говоря о движеніи, мы сопривасаемся и съ областью психологіи, но мнѣ кажется, въ отношеніи къ движенію, психологія занимаетъ второстепенное мѣсто для его объясненія, а первое принадлежитъ физикѣ и механикѣ. Что-же касается до метафизики, то, по моему, безъ нея и совсѣмъ можно обойтись, ибо метафизическій пере-

хоть отъ „однихъ звеньевъ міровой связи къ другимъ“, о которомъ вы говорили, есть бесполезное предположеніе, не подлежащее и не могущее подлежать никакой *научной* провѣркѣ.

Сократъ. Я, съ своей стороны, думаю, что физика и механика вовсе не могутъ объяснить движенія, и считаю, что сдѣлать это могутъ только, съ одной стороны, *психологія*, а съ другой — *теорія познанія* съ *метафизикой*. Не могу также согласиться и съ вашимъ мнѣніемъ, что будто бы теорія метафизическаго движенія не подлежитъ научной провѣркѣ. По моему, всякія предположенія, ихъ провѣрка и доказательство, вообще вся человѣческая научная дѣятельность зависятъ въ послѣдней инстанціи ни отъ чего другого, какъ отъ правильнаго мышленія вообще, а не отъ тѣхъ или другихъ особенныхъ предметовъ, къ которымъ оно прилагается въ тѣхъ или другихъ частныхъ наукахъ.

„Теперь я опять стану на тотъ путь, по которому я шелъ въ разговорѣ съ Петромъ Семеновичемъ и съ котораго меня столкнула слѣпая поспѣшность Петра Ѳомича. Надѣюсь, что отъ васъ, какъ ученика такихъ именитыхъ ученыхъ, подъ руководствомъ которыхъ вы работали за-границей, не укрылась наивность сдѣланнаго имъ мнѣ возраженія и что вы не станете спорить со мною въ томъ, что понятіе о движеніи, состоящее въ перемѣнѣ мѣста въ пространствѣ совершенно условное и имѣетъ значковый характеръ. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, которыя существуютъ только въ нашихъ представленіяхъ, а именно въ тѣхъ, которыя состоятъ изъ ощущеній зрѣнія и осязанія въ связи съ мускульными, т. е. тѣхъ же самыхъ, которыя подають поводъ и къ образованію идеи пространства. А такъ какъ пространство само по себѣ не существуетъ, то и это физическое движеніе вѣстѣ съ видимыми и осязаемыми тѣлами реально не существуетъ. Но такъ какъ далѣе задача философіи, какъ науки, въ томъ и состоитъ, чтобы объяснить перемѣны въ явленіяхъ нашего сознанія изъ реальной природы нашего и другихъ существъ и ихъ дѣятельностей, то и намъ съ Петромъ Семеновичемъ пришлось не-